

РАЗИНКИНА Н. М.

ОБ УСТОЙЧИВОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ

К настоящему времени накопилась довольно обширная лингвистическая литература по вопросу о функциональных стилях (художественном, научном, деловом, газетном, публицистическом). При этом функциональные стили определяются как устойчивые системы, способные регулировать отбор языковых средств в своих конкретных текстовых проявлениях. Факту устойчивости придается столь большое значение, что он возводится в ранг основополагающих характеристик функционального стиля. По-видимому, это не лишено основания. Действительно, само понятие функционального стиля могло возникнуть только благодаря тому, что исследователи стали обращать внимание на повторяющиеся (рекуррентные) языковые особенности той или иной группы текстов — в первую очередь, научных и деловых.

Поскольку само понятие функционального стиля возникло на основе идеи устойчивости в отборе языковых средств, другая сторона этого понятия, а именно, динамический, подвижный характер устойчивости, не получила столь же широкого освещения. Между тем каждому, кто интересуется данной проблемой, ясно, что языковые особенности функционального стиля определяются взаимодействием двух противоборствующих тенденций: тенденцией, имеющей центростремительный характер и создающей то, что принято называть функциональным стилем, и тенденцией, носящей центробежный характер. Последняя имеет столь же существенное значение, что и первая, поскольку именно центробежная тенденция определяет то, что называют «стилевым варьированием», «диапазоном внутрисклассового варьирования», «внутрисклассовой дифференциацией», «возможными отклонениями от принятых стилевых норм» и т. п. Иначе говоря, центробежные силы, действующие одновременно с центростремительными, создают подвижность в языковом составе конкретных текстов, принадлежащих тому или иному функциональному стилю. Именно они обуславливают постоянную динамику в развитии функционального стиля и позволяют говорить о закономерностях языкового отбора, а не о явлениях, раз и навсегда закрепленных за научными, художественными, деловыми и другими текстами.

Если оценить имеющиеся данные по языковым особенностям функциональных стилей с количественной стороны, то, по-видимому, можно сказать, что мы располагаем несравненно большим числом данных, свидетельствующих о повторяющихся, стабильных признаках научных, газетных и других текстов, и гораздо меньшим числом данных, свидетельствующих о диапазоне возможных различий, вариаций и отклонений.

Возникают следующие вопросы: в каких языковых явлениях этот диапазон велик, в каких он меньше; в функционировании каких языковых фактов наблюдается большая стереотипность и в каких — меньшая, какие явления указывают на большее разнообразие, а какие на меньшее. Ответ на эти и подобные вопросы способен показать, что функциональный стиль, являясь абстракцией высокого порядка, не может создаваться действием только однонаправленных тенденций. Вряд ли правомерно безоговорочно приписывать тому или иному функциональному стилю перечень тех или иных признаков. Вероятно, справедливее говорить о диапазоне возможных вариаций и отклонений, о пределах возможных языковых реализаций.

Представляется, что при таком подходе мы сможем получить представление о функциональном стиле не как о явлении, характеризующем инвентарным набором признаков, а как о живом, динамичном феномене. Справедливым представляется суждение о том, что само учение о функциональных стилях относится к области изучения языковой вариативности. Не перечисление языковых средств, характерных для того или иного стиля, а комплексное и подробное описание его качеств в их вариативных проявлениях — вот что является в настоящее время основной задачей лингвистов, занимающихся проблемами функциональной стратификации языка [1].

Явление внутривариативного варьирования представляет собой своеобразный тип неустойчивого равновесия; оно характерно для сложных саморегулирующихся систем и состоит в поддержании — в допустимых пределах — параметров, являющихся существенно важными для сохранения той или иной системы. В применении к нашему объекту это связано с рассмотрением ряда фактов, например, таких, как диапазон распространенности тех или иных признаков функционального стиля в различных текстовых проявлениях последнего (имеется в виду степень «освоения» различными текстами определенного языкового явления); выявление так называемых стилистических полюсов, т. е. возможностей экстремального проявления того или иного признака; уяснение тенденций мотивированных так называемых типичных, характерных признаков; целесообразность/нецелесообразность нарушения готовых, т. е. композиционно устойчивых, схем вертикального построения текста и т. д. Исследование данных процессов предполагает выделение параметров, значительные изменения которых способны нарушить нормальное функционирование системы. Так, например, нарушение определенных параметров способно вывести тот или иной текст за рамки функционального стиля научной прозы и отнести этот текст к иному функциональному-стилевому явлению. Кроме того, подобный подход предполагает установление границ допустимого изменения параметров системы под воздействием тех или иных факторов внутривариативного и экстралингвистического характера. Естественно, что при таком подходе и сами параметры предстают как существенные в большей или меньшей степени.

С целью рассмотрения этих вопросов обратимся к научным текстам. Какие параметры текстов и, как следствие, функционального стиля научной прозы в целом более устойчивы, какие — менее, сохранение каких создает устойчивость данного функционального стиля, и, напротив, нарушение каких разрушает его целостность и языковую определенность?

Одним из основных признаков функционального стиля научной прозы традиционно считается объективность изложения, возникающая как следствие объективности научного мышления. Однако если подойти к этому вопросу с иной точки зрения, то вряд ли будет целесообразным формулировать это качество научной прозы в столь категорической форме, так как между субъективностью и объективностью научного мышления нет четко обозначенных границ. Так, А. И. Герцен писал о принципиальной взаимосвязи между субъективностью и объективностью в научном мышлении, такой взаимосвязи, при которой ограничение и подчинение субъективности исследованию логике исследуемого объекта не означает перечеркивания этой субъективности, но, наоборот, способствует постижению объективности, оказывается как бы необходимым «сосудом истины» [2]. Говоря о взаимосвязи субъективности и объективности, Герцен подчеркивал, что чем безогляднее ученый отдается поиску истины, тем все более обретает себя, свою личность, свое «я».

Таким образом, правильнее было бы говорить не об объективности как ведущем признаке научного мышления и, соответственно, научного изложения, а о таком сочетании субъективного и объективного, при котором субъективное адаптируется под влиянием свойств изучаемого объекта. Отсюда возникает ряд вопросов относительно функционального стиля научной прозы: взаимодействие каких языковых факторов создает необ-

ходимую для научной прозы «пропорцию» субъективного и объективного, нарушение каких пропорций оставляет текст в рамках функционального стиля научной прозы, а каких — делает его принадлежностью, скажем, научно-популярной или научно-публицистической литературы? Этот вопрос можно сформулировать иначе: в результате отбора каких языковых фактов создается такое динамическое равновесие, при котором субъективное остается «сосудом истины», но не его содержимым? Хотя такое равновесие есть результат многоаспектного процесса, все же и оно поддается моделированию. Последнее, по-видимому, может быть осуществлено с помощью введения такого понятия, как «степень ослабления определенного признака» (в данном случае речь идет о признаке «субъективное/объективное») vs. «степень усиления этого же признака». Само собой разумеется, что при этом исследователь должен располагать параметрами субъективного и объективного.

По-видимому, не будет преувеличением сказать, что такой подход является более адекватным и целесообразным для изучения функционального стиля (и не только научного), нежели априорная констатация преобладания элементов объективного в научном изложении. Кроме того, он поможет дать более четкое и лингвистически мотивированное представление о таких элементах объективного, как отвлеченно-обобщенный характер изложения, его точность, логическая последовательность, абстрактность, рациональный способ подачи информации и т.д.

Другой областью, где можно с успехом использовать аналогичный подход, является исследование личного/неличного в научных, деловых, юридических текстах, с одной стороны, и в текстах художественных — с другой. Если в работах по языку научной и деловой прозы 50—60-х годов этот вопрос решался однозначно (считалось, что для научной прозы характерна неличная форма изложения), то последние работы, в частности, на материале русского и немецкого языков, указывают на динамический подход в решении этой проблемы. Исследователи — представители разных наук — философы, лингвисты, ученые, занятые проблемами науковедения, — подчеркивают, что процесс познания, имея логико-гносеологическую основу, неизбежно включает моменты эмоциональные, интуитивные, которые неотделимы от личности исследователя. В связи с этим возникает проблема личностного аспекта процесса познания.

Проблема изучения связи индивидуальности ученого с его творческой деятельностью до сих пор представляет большие трудности, хотя ее нельзя считать возникшей недавно. Так, еще у Шеллинга (1775—1854) мы находим идею взаимосвязи субъективности и объективности, т. е. такой взаимосвязи, которая включает в себе полярность, динамичность, единство противоположностей.

Подвижный, динамический характер взаимосвязи субъективного и объективного проявляется на всех ступенях познания, включая и такой его «участок», как отбор определенных языковых средств в научном изложении. Полярность данной взаимосвязи выразилась в наличии двух процессов. С одной стороны, необходимость информационной полноты научных работ, их точности, логической стройности, а также простоты (понимаемой не как доступность, а как реализация возможности выведения всей совокупности идей из минимального числа принципов [3, с. 77—78]) обусловили исчезновение местоимения «я» со страниц современных естественнонаучных монографий и, особенно, журнальных статей.

Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не столько об исчезновении самого местоимения «я», сколько о процессах выработки норм логической убедительности аргументации. Именно бессубъектный (неличный) способ изложения привел к использованию оборотов типа: *следует полагать, представляется, целесообразно считать, изучено, показано, выяснено, рассмотрено, результаты показали, наблюдения приводят к выводу* [4]. С другой стороны, важно иметь в виду, что использование местоименной формы первого лица единственного числа (в частности, в научных трудах гуманитарного профиля, написанных на английском языке, — лингвистических, литературоведческих) не лишает научный

труд его основного качества — логической аргументированности мысли.

Все сказанное позволяет подойти к рассмотрению функционирования грамматической категории личности (выраженной с помощью местоимения «я») в научных текстах с точки зрения, предусматривающей изучение следующих вопросов: анализ фактов, предопределяющих динамический, подвижный характер функционирования данной категории; рассмотрение центробежных и центростремительных сил, оказывающих воздействие на структурный статус данного явления; анализ причин, действие которых способно создать такое динамическое равновесие, при котором использование местоимений первого лица не нарушает параметров, существенно важных для сохранения специфики научного текста. Представляется, что анализ этих достаточно частных вопросов способен пролить некоторый свет на динамические качества функционального стиля в целом.

В научных текстах категория личности получает интересное воплощение, варьируя в широком, хотя и достаточно определенном, диапазоне в зависимости от факторов семантического, стилистического, структурно-текстового и жанрово-стилевого характера. Разные способы представления говорящим субъекта обобщаются в трех категориях — определенности, неопределенности и обобщенности [5]. Остановимся вначале на первой категориальной разновидности — определенности, которая представляет субъект действия, состояния как открыто заявленное лицо. Последнее выступает в таком качестве в произведениях, написанных от первого лица. Эти произведения дифференцированы по жанровому признаку и включают воспоминания, путевые заметки, эссеистические тексты, сказки. Что касается научных текстов, то в тех случаях, когда сам ход творческой мысли не остается за рамками научного изложения, явно проступает авторское «я». На его появление влияют следующие факторы. Прежде всего упомянутый выше жанрово-стилевой фактор. Известно, например, что в рецензии на научную работу «я» автора довольно свободно вводится как в сферу интеллектуальной, так и в сферу эмоциональной оценки [6]. Во-вторых, лицо автора, как правило, открыто заявлено в определенных частях научного текста. Это имеет место в так называемых предтекстах (введение, предисловие, от автора и проч.), в которых субъект действия представлен как вполне определенное лицо. Являясь факультативным элементом гипертекстовой структуры, состоящей из двух частей — вводного текста и вводимого текста, — предтекст оказывает немалое влияние на восприятие читателем вводимого текста [7]. В частности, тот факт, что предтекст научной монографии, как правило, представляет субъект действия как вполне определенное лицо (автор монографии), не может не влиять на восприятие читателем самого текста монографии, написанного, согласно канонам, установившимся в области естественнонаучных дисциплин, в неличной форме изложения, т. е. в такой форме, когда субъект действия представлен как намеренно устраненный.

На открытый характер представления авторского «я» влияет не только жанрово-стилевой признак и признак структурно-текстового характера, но также авторская индивидуальная манера представления своего «я». Стремление к установлению речевого контакта, воздействие на эмоциональность читательского восприятия, личностные особенности коммуникантов — все это ведет к открытому использованию авторского «я» и создает так называемый прием интимизации изложения, т. е. сближение читательского интереса с авторским.

Следующей разновидностью категории личности, способствующей созданию вариативности языка научной прозы, является неопределенность. Категория неопределенности представляет субъект действия как неопределенно-множественное лицо, неизвестное или намеренно устраненное в связи с его незначительностью для содержания информации. В английских научных текстах эта категориальная разновидность передается с помощью местоимения *we*, в русских — *мы*. Неопределенность этого местоимения объясняется неопределенностью вовлекаемой в коммуникацию аудитории: в суммарном представлении «я и читатель» второй компонент («читатель» или, может быть, «читатели») не имеет вполне определенной

отнесенности, во всяком случае, не является лицом с четко представленной индивидуальностью. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с некоторой завуалированностью деятеля. Особенно широко «мы» в таком значении употребляется в текстах по математике и физике, где сама манера изложения построена на привлечении читателя к решению и доказательству рассматриваемых задач. Отсюда формулировки типа «проведем перпендикуляр», «находим, что...» и т.п. Обозначение лица здесь весьма условно, семантически ослаблено [8].

Наконец, третья разновидность категории лица, проявляемая в научных текстах, это категория обобщенности. В английском языке она представлена, в частности, обобщенно-личным местоимением *one*. Исследователи семантических особенностей местоимений отмечают, что данное местоимение имеет значение «любой человек вообще», «всякий человек», включая как говорящего, так и адресата. Всякий отдельный индивидуум представлен в этом *one* как человек вообще. Именно этим своим обобщенным, предельно-широким значением обобщенно-личное *one* отличается от неопределенно-личного *we*, которое сохраняет свое индивидуальное значение. В обобщенно-личном *one* снят какой бы то ни было личный момент, оно как бы объективирует личное, представляет субстанцию максимально абстрагированной, и в связи с этим *one* находится в полярно противоположной семантической точке по отношению к личному местоимению 1-го лица единственного числа, которое всегда соотносится с реальным участником данного конкретного речевого акта [9].

Распространение данной разновидности категории лица в современной английской научной прозе объясняется двумя разнородными причинами. Главное — необходимость характеризовать свойства объекта исследования как принадлежащие ему вне зависимости от индивидуальных особенностей познающего субъекта. Вторая причина — требование быть скромным, ненавязчивым в выражении своей точки зрения.

Формы личных местоимений, характер их употребления оказывают значительное влияние на построение научного текста в целом, его членимость и композиционное своеобразие. Достаточно сказать, что использование неопределенно-личных и обобщенно-личных местоимений ведет, как правило, к большей членимости научного текста, в то время как использование местоимения 1-го лица единственного числа способствует созданию более монолитного текста, иначе говоря, такого типа текста, который характеризуется как подвижный и лабильный. Использование же неопределенно-личных и обобщенно-личных местоимений, напротив, связано с текстами жесткой структуры, присущими деловым и официально-деловым документам, текстам юридического содержания, научным текстам.

Авторский признак способен настолько четко определить языковую специфику текста, что предлагается сгруппировать тексты на такие, автором которых является ярко выраженная индивидуальность — художественные, публицистические тексты, — и на тексты, автором которых является коллективный субъект: официально-деловые тексты, техническая документация.

Известно, что противопоставление категорий личности/безличности, а в пределах личности — определенного, неопределенного и обобщенного значений — в традиционной грамматике являются исходным пунктом типологии простых предложений. Аналогичным образом можно сказать, что вариативные возможности этой категории могут быть положены в основу одной из типологических характеристик текста.

Таковы в общих чертах некоторые особенности реализации средств категории личности/неличности в научных текстах. Стремление к экономии места, к объективности сообщения и последовательности в передаче информации, широкое использование символов, замена словесных описаний знаками, формулами и графическими построениями вытесняют субъективность как таковую. Однако полного вытеснения формы 1-го лица единственного числа не происходит. Имеет место известная вариативность в зависимости от семантических, структурно-текстовых и жанрово-стилевых факторов организации научного сообщения.

Особый интерес представляют так называемые пограничные жанры. Последние возникли и продолжают возникать на стыке художественной и научной прозы — как гуманитарного, так и естественнонаучного профиля. Это — художественный очерк, эссе, мемуары, дневники писателей, их письма, переписка ученых, исторические документальные повести и романы, научно-художественная литература. Все эти жанры можно объединить под одним названием — художественный документализм [10].

К синкретичным жанрам принадлежит также литературная критика, язык которой почти не изучен. Определение лингвистических параметров таких жанров и, как следствие, установление их статуса в рамках (или же вне оных) того или иного функционального стиля требует, как отмечалось выше, анализа возможных пределов языкового варьирования. Здесь, в частности, возникают такие вопросы лексико-синтаксической синтагматики, как стилистическая актуализация лексических единиц в текстах различной жанровой отнесенности, контекстуально-ситуативные условия этой актуализации. Эти и подобные вопросы способны пролить свет и на другую сторону отбора языковых средств, а именно, на характер и языковые способы проявления авторской индивидуальности в различных жанровых разновидностях того или иного функционального стиля.

В заключение отметим следующее: подход к функциональному стилю с точки зрения вариативных процессов, протекающих в нем и одновременно формирующих его, несколько по-иному ставит вопрос об адекватности отбора языковых средств цели высказывания, иными словами, об эффективности выполнения этими средствами определенной задачи. Известно, что каждый функциональный стиль предполагает организующий принцип в отборе и применении элементов языка, придающий ему своеобразие и отличающий его от других стилей. Этот принцип, если его понимать как «предписание» определенного набора языковых средств, дает статичную картину функционального стиля; если же функциональный стиль рассматривать в плане возможностей варьирования, то он предстает в динамическом аспекте. Первый (статичный) подход отличается ретроспективностью, обусловленностью культурно-языковой традицией; второй предполагает максимальный учет возможных конкретных задач высказывания (проспективный аспект) [11]. Объединение ретроспективных и проспективных тенденций дает возможность отойти от трактовки функционального стиля как образования, выделяющегося наличием заранее заданных характерных средств, и подойти к нему как своеобразной целостной системе, чрезвычайно вариабельной в своих конкретных языковых проявлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наер В. Л. К описанию функционально-стилевой системы современного английского языка. — В кн.: Лингвостилистические особенности научного текста. М., 1981, с. 3.
2. Гей Н. К. Целостность культуры, содружество наук и искусств. — Новый мир, 1981, № 12, с. 228.
3. Природа и функции эстетического. М., 1968, с. 77—78.
4. Лаптева О. А. Способы выражения авторского «я» в научной речи. — В кн.: Язык научной литературы: Тезисы докладов и сообщений XX научно-методической конференции. 30 июня — 2 июля 1975 г. М., 1975.
5. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 162.
6. Кудасова О. К. Лингвостилистические особенности рецензии как разновидности научного текста (на материале английского языка): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1982.
7. Протопопова Е. А. Виды предтекстов и их структурно-семантические характеристики. — В кн.: Научная литература: язык, стиль, жанры. М., 1984.
8. Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972, с. 254.
9. Штелинг Д. А. Семантика оппозиций в системе местоимений (на материале английского языка). — ИАН СЛЯ, 1983, № 5, с. 444—450.
10. Гушанская Б. И. На путях научно-художественного документализма. — В кн.: Научное и художественное творчество. Л., 1972.
11. Костомаров В. Г. — ВЯ, 1970, № 3, с. 117. — Рец. на кн.: Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968.